П. САВЧЕНКО.

РУССКАЯ ДѢВУШКА

Ольга

БѢЛГРАДЪ.

П. САВЧЕНКО.

РУССКАЯ ДѢВУШКА

Изданіе автора.

БѢЛГРАДЪ 1930 г.

Исп. соиздатель М. Г. КОВАЛЕВЪ въ Бѣлградѣ
Типографія „Карић“ Краља Петра, 49.

Свѣтлой памяти
мученически убіенной
Великой Княжны
ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ.
(1895—1917 г. г.)

Быть можетъ, ангелъ твой хранитель
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ престолу Бога отнесетъ.

И. С. Никитинъ.

Въ одномъ изъ стихотвореній въ прозѣ И. С. Тургеневъ назвалъ героиню его — „дѣвушка“, а потомъ рѣшилъ уточнить этотъ образъ и добавилъ — „русская дѣвушка“.

Чуткій художникъ лучше другихъ зналъ, что на нашей землѣ самородной красотой выростала русская дѣвушка; что сложившіяся исторически черты ея характера, ея проявленный нашей великой литературой глубокій и прекрасный обликъ — рѣзко выдѣлили ее въ явленіе самобытное, въ одну изъ красотъ нашего народа; красотъ — такихъ намъ дорогихъ и такихъ горделивыхъ.

Съ глубокой болью поэтому переживаемъ мы, при видѣ общаго крушенія всего прекраснаго въ нашей несчастной странѣ, утрату, дорогую утрату облика и типа русской дѣвушки — одной изъ нашихъ неотъемлемыхъ и коренныхъ драгоцѣнностей.

Мы вѣримъ, конечно, что утрата эта временная, что въ будущей Россіи и взойдетъ и окрѣпнетъ новая поросль достойныхъ преемницъ дѣвушекъ Пушкина, Тургенева и Чехова; и это будетъ великое благо русской жизни.

Намъ хочется привлечь вниманіе къ одному изъ прекрасныхъ образовъ такъ недавно и такъ трагически ушедшей изъ русской жизни дѣвушки, пока одной изъ послѣднихъ подлинныхъ, по чертамъ характера и общему облику своей юной жизни — русскихъ дѣвушекъ.

Мы говоримъ о старшей дочери покойнаго Государя Императора — Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ.

Хочется вспомнить о ней въ день св. благовѣрной княгини Ольги, такъ какъ въ лицѣ Ольги Николаевны намъ рисуется не только типичная русская дѣвушка, но и русская Великая Княжна у послѣднихъ дней прервавшейся пока русской исторіи.

И тутъ намѣчаются какія-то красивыя и интересныя связи, какъ-то лишней величавой чертой украшается русская женщина, русская дѣвушка.

Съ нашего дѣтства и отъ зари русской исторіи мы знаемъ имя княгини Ольги, или, какъ называлъ ее Константинъ Багрянородный, „Ольги, княгини Россіи".

Одна изъ первовѣстницъ, „денница" христіанства на Руси, мудрая и властная правительница, бабка и предтеча св. Владиміра, она намъ близка и по лѣтописнымъ записямъ, и по первымъ разсказамъ исторіи, и по суровому образу, начертанному Васнецовымъ, близка русскому человѣку по любимому имени ея, звучащему чуть ли не въ каждой русской семьѣ.

На зарѣ нашей исторіи, во главѣ мужественныхъ и неустроенныхъ еще славянскихъ племенъ — женщина, княгиня Ольга.

Это — предранній символическій образъ русской женщины, ея самостоятельности, ея

роли въ нашей литературѣ и жизни. Затѣмъ вспоминается Екатерина Великая, и у заката вѣдомой намъ исторіи Россіи — Великая Княжна Ольга.

Ее — скромную прекрасную русскую дѣвушку — я не сопоставляю, не сравниваю, не обобщаю, конечно, съ тѣми великими женскими образами, уже хотя бы потому, что она и не жила, на своемъ короткомъ вѣку, самостоятельной жизнью, не проявила той дѣятельности, по которой мы могли бы цѣнить ее полностью, какъ русскую женщину.

Но въ ея біографіи встрѣчаются черты и факты, которые воскрешаютъ невольно въ памяти образы величавыхъ русскихъ женъ и придаютъ какую-то сокровенную силу этому дѣвичьему образу.

Послѣ трагической кончины Царской Семьи осталось мало документальныхъ слѣдовъ, въ видѣ дневниковъ, переписки, воспоминаній самыхъ близкихъ лицъ, на основаніи которыхъ можно было бы возстановить полно и правдиво жизнь и образъ Великой Княжны.

Въ нашемъ распоряженіи матеріалъ документальный, но раздробленный и случайный. Можно было бы воспользоваться воспоминаніями тѣхъ, кто былъ близокъ Великой Княжнѣ и въ наши дни могъ бы здѣсь въ изгнаніи, дать интереснѣйшій біографическій матеріалъ. Но мы хотимъ пока воспользоваться лишь данными опубликованныхъ матеріаловъ; пусть первоначальный образъ потеряетъ отъ этого нѣкоторую ясность, полноту, яркость очертаній, но онъ сохранитъ доступную намъ правдивость, непосредственность, а потому, будемъ надѣяться, и всю свою убѣдительность и привлекательность.

I.

Августѣйшая семья проводила обыкновенно зиму въ Царскомъ Селѣ, которое Государь часто въ дневникѣ называетъ „милое, родное, дорогое мѣсто". Тамъ, неподалеку отъ большого дворца, въ паркѣ, прорѣзанномъ маленькими искусственными озерами, возвышался полускрытый деревьями скромный бѣлый Александровскій дворецъ, въ которомъ осенью 1895 года родилась первая дочь молодой Царской Семьи Великая Княжна Ольга.

О днѣ рожденія ея мы читаемъ такую подробную запись въ дневникѣ Государя: „3-го ноября *). Пятница. Вѣчно памятный для меня день, въ теченіе котораго я много выстрадалъ! Еще въ часъ ночи у милой Аликсъ начались боли, которыя не давали ей спать. Весь день она пролежала въ кровати въ сильныхъ мученіяхъ — бѣдная! Я не могъ равнодушно смотрѣть на нее. Около 2 час. ночи дорогая Мама пріѣхала изъ Гатчино; втроемъ съ ней и Эллой (Вел. Кн. Елизавета Федоровна) находились неотступно при Аликсъ. Въ 9 часовъ ровно услышали дѣтскій пискъ и всѣ мы вздохнули свободно! Богомъ намъ посланную дочку при молитвѣ мы назвали Ольгой!"

Запись 5-го ноября: „Сегодня я присутствовалъ при ваннѣ нашей дочки. Она — большой ребенокъ, 10 фунтовъ вѣсомъ и 55 сантиметровъ длины. Почти не вѣрится, что это наше дитя! Боже, что за счастье! Аликсъ весь

*) Всѣ дни обозначены по старому стилю.

день пролежала... она себя чувствовала хорошо, маленькая душка тоже".

6-го ноября: „Утромъ любовался нашей прелестной дочкой. Она кажется вовсе не новорожденной, потому что такой большой ребенокъ съ покрытой волосами головой".

Кормила новорожденную кормилица — („Аликсъ очень удачно стала кормить сына кормилицы, а послѣдняя давала молоко Ольгѣ", писалъ въ дневникѣ отъ 5 ноября Государь); при ней состояла няня англичанка съ помощницей русской няней. 26-го апрѣля 1896 года Государь отмѣтилъ въ дневникѣ: „Сегодня насъ покинула несносная няня-англичанка; радовались, что, наконецъ, отдѣлались отъ нея!".

Крестины новорожденной Великой Княжны Ольги состоялись въ табельный день рожденія вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Федоровны, 14-го ноября.

Самой близкой семьей въ то время семьѣ Государя были тоже молодожены — сестра Государя Вел. Княгиня Ксенія Александровна и Вел. Кн. Александръ Михайловичъ, у которыхъ также около этого времени родилась дочь Ирина. Государь неоднократно упоминаетъ ее въ своемъ дневникѣ, сопоставляя со своей новорожденной, „маленькой Душкой".

21-го марта 1896 года: „За обѣдней привели своихъ дочекъ къ св. Причастію; наша была совершенно спокойна, а Ирина немного покричала".

1-го апрѣля: „Ксенія принесла Ирину къ ваннѣ нашей маленькой. Онѣ вѣсятъ то же самое 20 съ полов. фунтовъ, но наша дочка толще".

Въ ближайшіе годы въ царской семьѣ появились еще три дочери — сестры Великой

Княжны: Татьяна (1897 г.), Марія (1899 г.) и Анастасія (1901 г.).

Августѣйшіе родители ихъ всегда дѣлили на „старшихъ“ (Ольгу и Татьяну) и „младшихъ“; естественно, что и въ ихъ средѣ большая близость и общность интересовъ постепенно установилась по этимъ парамъ. Всѣ онѣ росли въ исключительно дружной, жившей ладомъ, образцовой царской семьѣ, подъ неослабнымъ и глубоко-душевнымъ вниманіемъ прекрасной ихъ матери Государыни.

Въ одномъ изъ воспоминаній (А. А. Танѣевой) мы знакомимся съ такой картиной изъ ихъ дѣтства: „Пока дѣти были маленькія, онѣ въ бѣлыхъ платьицахъ и цвѣтныхъ кушакахъ играли на коврѣ съ игрушками, которыя сохранялись въ высокой корзинѣ въ кабинетѣ Государыни“. Съ шумомъ обычно онѣ спускались изъ своихъ верхнихъ комнатъ и попадали въ любимую „взрослую“ обстановку блѣдно-лиловаго кабинета съ его громаднымъ ковромъ, съ массой цвѣтовъ, цѣлыхъ кустовъ цвѣтущей сирени или розановъ; а надъ кушеткой онѣ любили огромную картину „Сонъ Пресвятой Богородицы“ съ прекраснымъ ликомъ Приснодѣвы.

Дѣти велись всецѣло Императрицей. „Отъ первыхъ мѣсяцевъ, вспоминаетъ П. Жильяръ, я сохранилъ совершенно отчетливое воспоминаніе о крайнемъ интересѣ, съ коимъ Императрица относилась къ воспитанію и обученію своихъ дѣтей, какъ мать, всецѣло преданная своему долгу“.

Государь въ обыкновенное время видѣлъ своихъ дѣтей довольно мало: его занятія и требованія придворной жизни мѣшали ему отдавать имъ все то время, которое онъ хо-

тѣлъ бы имъ посвятить. Онъ всецѣло передалъ Императрицѣ заботу о ихъ воспитанiи и въ рѣдкiя минуты близости съ ними любилъ безъ всякой задней мысли, съ полнымъ душевнымъ спокойствiемъ наслаждаться ихъ присутствiемъ".

У каждой изъ дѣвочекъ была своя особая русская няня.

Когда княжны подрастали, няньки превращались въ их горничныхъ; всѣ онѣ были простыя крестьянки и передали своимъ питомцамъ чистую русскую рѣчь, любовь къ иконамъ, лампадкамъ, къ старинѣ и сказкамъ.

Такъ въ началѣ XX-го столѣтiя мы благостно переносимся ко временамъ Татьяны Лариной, Лизы Калитиной, когда няни заронями въ юныя души зерна чистой вѣры и глубокой любви ко всему русскому, родному; когда незримо, но прочно формировались образы русской дѣвушки съ ея непередаваемымъ очарованiемъ и властными жизненными силами.

„Спи, Господь съ тобой!
Глазки ангельски закрой!
Выростешь большой,
Будешь въ золотѣ ходить;
Будешь въ золотѣ ходить,
Чисто серебро носить,
Мамушкамъ-нянюшкамъ
Обносочки дарить —
Младымъ дѣвицамъ
По ленточкѣ,
Старымъ старушкамъ
По повойничку!"

Позднѣе воспитательницей старшихъ княженъ, ихъ русской гувернанткой, была фрейлина Софья Ивановна Тютчева, внучка поэта, проявившая большую преданность къ своимъ

воспитанницамъ; съ весны 1912 года она должна была покинуть службу при Дворѣ *).

Жизнь Царской Семьи въ тѣ годы была очень тихая и строго размѣренная. Утромъ у дѣтей уроки и рукодѣліе; къ завтраку собиралась вся семья („завтракали семейно“, „завтракали съ дѣтьми одни“, — записывалъ почти ежедневно Государь); затѣмъ, если погода была хорошая, — гуляли, катались („Ольга и Татьяна ѣхали рядомъ на велосипедахъ“ — запись въ маѣ 1904 года); приходили съ работами въ кабинетъ Государыни („Императрица не позволяла имъ сидѣть сложа руки“, — вспоминаетъ А. А. Танѣева).

Чай подавали ровно въ 5 часовъ, чаще всего въ кабинетъ Государя; затѣмъ опять прогулка („Послѣ чая отправился на озеро съ Мишей и Ольгой“, — пишетъ въ маѣ 1904 г. Государь).

Въ 8 час. вечера сходились къ семейному обѣду; часто къ обѣду съ Августѣйшими родителями приходили только двѣ старшія дочери.

А послѣ обѣда обычно Государь читалъ вслухъ Гоголя или иныя произведенія русской литературы и читалъ прекрасно, такъ что дѣти очень любили это время.

Когда Вел. Княжнѣ Ольгѣ исполнилось 8 лѣтъ, она начинаетъ все чаще появляться внѣ дворца съ Государемъ, у котораго въ дневникѣ появляются краткія записи: „Въ 11 съ полов. поѣхалъ съ Ольгой къ обѣднѣ“; „тотчасъ послѣ завтрака поѣхали съ Ольгой... въ

---

*) Няней дѣтей была Александра Александровна Теглева, ея помощницей — Елизавета Николаевна Эрсбергъ. Обѣ онѣ послѣдовали съ Великими Княжнами въ Тобольскъ и Екатеринбургъ.

Царское Село"; „поѣхали съ Аликсъ и Ольгой посмотрѣть полковое ученье уланъ".

Въ дни рожденія Наслѣдника одинокій Государь проводилъ время со старшими дочерьми: „Завтракалъ съ Ольгой и Татьяной"; „былъ у обѣдни съ дѣтьми": „Аликсъ завтракала съ нами, т. е. со мной, Ольгой и Татьяной".

А въ день крещенія Наслѣдника, 11-го августа 1904 года, Государь записалъ: „Ольга, Татьяна и Ирина... были въ первый разъ на выходѣ и выстояли всю службу отлично".

Вел. Княжна Ольга будто становилась уже -большой- такой она показалась и Государю въ день ея рожденія — 3 ноября 1904 года: „Ольгѣ минуло 9 лѣтъ, — писалъ онъ въ дневникѣ, — совсѣмъ большая дѣвочка".

Государь все чаще остается съ ней; во время дневныхъ прогулокъ любитъ обходить вдвоемъ съ ней паркъ.

О чемъ бесѣдовали они? Припомнимъ, что это были жуткіе мѣсяцы неудачъ Японской войны и тревогъ внутренней смуты; переобремененный дѣлами и тяжело все это переживавшій Государь былъ радъ, вѣроятно, отвести душу въ наивныхъ бесѣдахъ со своей старшей, скажемъ, забѣгая впередъ, любимой дочкой (черезъ 10 лѣтъ у нихъ шли иныя бесѣды). А ея интересы, вращались тогда лишь въ кругу уютной, сплоченной большой Царской Семьи и маленькихъ домашнихъ событій. То сами устроятъ сюрпризомъ маленькій спектакль (инсценировка „Стрекозы и муравья"), то заберутся въ кабинетъ Государя разсмотрѣть его новые альбомы, а то — новость: сцены кинематографа придворнаго фотографа Гана. Настанутъ морозы — катанье съ горъ у

берега небольшого озера, игры съ Наслѣдникомъ, у котораго и сани съ осломъ „Ванькой“, старымъ артистомъ цирка Чинизелли, и умный „Джой“.

А въ Сочельникъ — первыя елки: въ 3 часа въ дѣтской наверху; послѣ всенощной— елка у бабушки въ Гатчинѣ, а на первый день Рождества — традиціонная елка Конвоя и Своднаго полка.

Дѣлъ и радостей довольно.

О Великой Княжнѣ можно было бы въ тѣ дни сказать словами поэта, обращенными къ другому царственному отроку:

„И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба о немъ свой судъ сказала:
Уже въ ея святилищѣ стоитъ,
Ему испить назначенная чаша“.

„Только въ мірѣ и есть, что лучистый
Дѣтски-задумчивый взоръ!“

А. Фетъ.

II.

Когда начали учить Великую Княжну Ольгу, и какова была программа этихъ учебныхъ занятій — точно опредѣлить по оставшимся воспоминаніямъ трудно.

Первой ея учительницей была г-жа Е. А. Шнейдеръ, гофъ-лектриса Государыни. Затѣмъ старшимъ учителемъ, назначавшимъ другихъ наставниковъ, и учителемъ русскаго языка былъ П. В. Петровъ.

„Дѣти Ихъ Величествъ, — замѣчаетъ Танѣева, — были горячіе патріоты; они обожали Россію и все русское; между собой говорили только по-русски“. На сохранившихся письмахъ Великой Княжны виденъ четкій круглый, добрый почеркъ.

Иностранные языки преподавали: англійскій — Mr Гиббсъ и французскій Mr Жильяръ, нѣмецкій — г-жа Шнейдеръ; по нѣмецки княжны не говорили.

Съ конца сентября 1905 года въ особой классной комнатѣ, начались уроки французскаго языка, которому Великую Княжну училъ благороднѣйшій П. Жильяръ, впослѣдствіи воспитатель Наслѣдника Цесаревича.

Онъ сохранилъ такія воспоминанія о первомъ урокѣ: — „Меня провели во второй этажъ, въ маленькую комнату съ очень скромной обстановкой въ англійскомъ вкусѣ. Дверь отворилась и вошла Императрица, держа за руку двухъ дочерей, Ольгу и Татьяну.

Сказавъ нѣсколько любезныхъ словъ, она заняла мѣсто за столомъ и сдѣлала мнѣ знакъ сѣсть противъ нея; дѣти помѣстились по обѣ стороны. Старшая изъ Великихъ Княженъ, Ольга, дѣвочка 10 лѣтъ, очень бѣлокурая, съ глазами, полными лукаваго огонька, съ приподнятымъ слегка носикомъ, разсматривала меня съ выраженіемъ, въ которомъ казалось, было желаніе съ первой же минуты отыскать слабое мѣсто, — но отъ этого ребенка вѣяло чистотой и правдивостью, которыя сразу привлекали къ нему симпатіи...

„Сестры дышали свѣжестью и здоровьемъ — писалъ онъ позже, — онѣ были добры и необыкновенно естественны. Старшая, Великая Княжна Ольга Николаевна, была умна и разсудительна“.

Продолжая занятія со своими ученицами, П. Жильяръ сдѣлалъ такое наблюденіе:

„Одна подробность особенно ясно обнаруживаетъ заботу о точности, которую Императрица вносила въ свое попеченіе о дочеряхъ, и свидѣтельствуетъ также о внимательности, которую она хотѣла внушить имъ къ ихъ наставникамъ, требуя отъ нихъ порядка, который составляетъ первое условіе вѣжливости. Я всегда при входѣ находилъ книги и тетради старательно разложенными на столѣ передъ мѣстомъ каждой изъ моихъ ученицъ. Меня никогда не заставляли ждать ни одной минуты“.

Какъ истыя учащіяся, княжны мечтали о лѣтѣ, объ иной, милой, свободной жизни, о поѣздкахъ въ шхеры или въ Крымъ.

Задолго имъ становилось извѣстно, что отъѣздъ уже не за горами, и великая радость воцарялась въ ихъ юной дружной компаніи; начинались мечты, приготовленія; наступалъ и день отъѣзда.

Государь однажды записалъ: „Встали хорошимъ яснымъ утромъ. Въ $10^1/_2$ поѣхали къ обѣднѣ и затѣмъ на пристань... пересѣли на „Полярную Звѣзду" и снялись съ якоря. Дѣти всячески радовались и возились всячески съ офицерами и матросами".

По прибытіи на яхту („милый Штандартъ" или „Полярную Звѣзду") обычно ко всѣмъ Августѣйшимъ дѣтямъ назначались дядьки изъ матросовъ унтеръ-офицеровъ, на обязанности которыхъ было возложено слѣдить и охранять дѣтей отъ могущихъ быть случайностей на верхней палубѣ. Къ этимъ матросамъ дѣти особенно привыкали; у нихъ же учились плавать.

Еще въ Петергофѣ и довольно рано дѣти начинали купаться. Однажды 6-го іюня Государь записалъ: „Днемъ баловались съ дѣтьми въ морѣ; они барахтались и возились въ водѣ; затѣмъ купался въ морѣ при $14^1/_4$ град.". А плавать учились въ шхерахъ Сохранилось письмо Великой Княжны Ольги отъ страшныхъ дней Царскаго Села 1917 года, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „А какъ должно быть чудно купаться? Вотъ завидую! А знаешь плавать я никогда не научилась, хотя меня и училъ матросъ, когда ходили въ плаванье, но это мнѣ не мѣшаетъ и такъ купаться весело".

Но и кромѣ купанья въ этихъ поѣздкахъ было много радостнаго: катанье на шлюпкахъ, поѣздки на берегъ, на острова, гдѣ можно было возиться, собирать грибы. А сколько интереснаго на яхтахъ и судахъ, ихъ сопровождавшихъ: гребныя и парусныя гонки шлюпокъ, фейерверкъ на островахъ, спускъ флага съ церемоніей. Завтракали и обѣдали обычно въ просторной царской столовой, за большимъ столомъ, къ которому приглашалось много морскихъ офицеровъ, и Великимъ Княжнамъ, какъ хозяйкамъ, приходилось, къ ихъ обычному великому смущенію, быть между гостями. Наблюдавшій ихъ во время такихъ поѣздокъ флигель-адъютантъ Фабрицкій говоритъ: „Великія Княжны въ описываемое время были прелестными дѣвочками, скромно и просто воспитанными, относившимися ко всѣмъ съ ласковостью и вѣжливостью, а зачастую и съ строгой заботливостью. Всѣ онѣ обожали Наслѣдника и баловали его всячески“.

Съ грустью обычно покидали дѣти яхту, и сѣрымъ, съ пожелтѣвшими парками, непріютнымъ казался имъ великолѣпный Петергофъ.

Отмѣтимъ здѣсь очень заинтересовавшую Великихъ Княженъ поѣздку въ 1910 году за границу, въ Наугеймъ, Гомбургъ, гдѣ онѣ инкогнито съ Государемъ появлялись на улицахъ этихъ городковъ, заходили въ магазины, жили внѣ привычнаго русскаго придворнаго этикета.

Большимъ разнообразіемъ и счастьемъ послѣ безконечныхъ сѣверныхъ зимъ были для царскихъ дѣтей и поѣздки въ Крымъ. Особенно памятнымъ для Великой Княжны Ольги было посѣщеніе Ливадіи осенью 1911 г..

На яхтѣ „Штандартъ“ подошли къ Ялтѣ

— пестрая толпа, флаги, южное солнце; дальше виноградниками въ колясках прiѣхали къ Ливадiи, и здѣсь ждала прекрасная новость: бѣлый, сооруженный въ итальянскомъ стилѣ новый дворецъ. Комнаты Великихъ Княженъ, Наслѣдника, ихъ нянь, столовая и большая бѣлая зала занимали верхнiй этажъ, откуда особенно заманчиво разстилалось море. А. А. Танѣева вспоминаетъ:

„Въ эту осень Ольгѣ Николаевнѣ исполнилось 16 лѣтъ, срокъ совершеннолѣтiя для Великихъ Княженъ. Она получила отъ родителей разныя бриллiантовыя вещи и колье. Всѣ Вел. Княжны въ 16 лѣтъ получали жемчужныя и бриллiантовыя ожерелья, но Государыня не хотѣла, чтобы Министерство Двора тратило столько денегъ сразу на ихъ покупку Великимъ Княжнамъ и придумала такъ, что два раза въ годъ, въ дни рожденiя и именинъ, получали по одному бриллiанту и по одной жемчужинѣ. Такимъ образомъ у Великой Княжны Ольги образовались два колье по 32 камня, собранныхъ для нея съ малаго дѣтства.

Вечеромъ былъ балъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ баловъ при Дворѣ. Танцовали внизу въ большой столовой. Въ огромныя стеклянныя двери, открытыя настежь, смотрѣла южная благоухающая ночь. Приглашены были всѣ великiе князья съ ихъ семьями, офицеры мѣстнаго гарнизона и знакомые, проживавшiе въ Ялтѣ. Великая Княжна Ольга Николаевна, первый разъ въ длинномъ платьѣ изъ мягкой розовой матерiи, съ бѣлокурыми волосами, красиво причесанная, веселая и свѣжая, какъ цвѣточекъ, была центромъ всеобщаго вниманiя. Она была назначена шефомъ 3-го гусарскаго Елисаветградскаго полка, что ее особенно об-

радовало. Послѣ бала былъ ужинъ за маленькими круглыми столами".

Начиналась жизнь взрослой дочери Государя.

Внѣшне это было связано съ парадной, показной жизнью нашего блистательнаго Двора — появленіе съ Государемъ на торжествахъ, на придворныхъ балахъ, въ театрахъ; съ Государыней — на благотворительныхъ базарахъ, въ поѣздкахъ по Россіи.

Многіе помнятъ стройную, изящную фигуру старшей дочери Государя, радостно украшавшей царскіе выходы.

Но все это внѣшнее, блестящее, парадное, показное, что для случайнаго поверхностнаго наблюдателя, для толпы, составляло какой-то законченный обликъ Великой Княжны и дѣлало ее такой похожей на ея сестеръ, — совершенно не гармонировало ни съ подлинной скромной и простой повседневной жизнью Великой Княжны Ольги, ни съ истиннымъ строемъ внутренняго міра дѣвушки, которая сумѣла развить, а часто и проявлять свою глубокую индивидуальность, дѣвушки, у которой были свои думы и мысли и намѣчались свои дороги не поверхностнаго, а глубокаго воспріятія жизни.

Въ послѣдніе годы передъ войной, когда Великой Княжнѣ исполнилось 18 лѣтъ, о ней можно было говорить, какъ о сложившемся юномъ характерѣ, полномъ неотразимаго обаянія и красоты; многіе, знавшіе ее въ тѣ годы, довольно полно и поразительно созвучно очерчиваютъ строй ея сложнаго яснаго внутренняго міра. Невольно ее рисуютъ пока на фонѣ всѣхъ дружныхъ, всегда бывшихъ вмѣстѣ августѣйшихъ сестеръ.

П. Жильяръ съ умиленными чувствами вспоминаетъ своихъ ученицъ въ эти годы:

„Великія Княжны были прелестны своей свѣжестью и здоровьемъ. Трудно было найти четырехъ сестеръ, столь различныхъ по характерамъ и въ то же время столь тѣсно сплоченныхъ дружбой. Послѣдняя не мѣшала ихъ личной самостоятельности и, несмотря на различіе темпераментовъ, объединяла ихъ живой связью.

Въ общемъ, трудноопредѣлимая прелесть этихъ четырехъ сестеръ состояла въ ихъ большой простотѣ, естественности, свѣжести и врожденной добротѣ.

Старшая, Ольга Николаевна, обладала очень живымъ умомъ. У нея было много разсудительности и въ то же время непосредственности. Она была очень самостоятельнаго характера и обладала быстрой и забавной находчивостью въ отвѣтахъ.

Вначалѣ мнѣ было не такъ-то легко съ нею, но послѣ первыхъ стычекъ между нами установились самыя искреннія и сердечныя отношенія. Она все схватывала съ удивительной быстротой и умѣла придать усвоенному оригинальный оборотъ.

Я вспоминаю, между прочимъ, какъ на одномъ изъ нашихъ первыхъ уроковъ грамматики, когда я объяснялъ ей спряженія и употребленіе вспомогательныхъ глаголовъ, она прервала меня вдругъ восклицаніемъ: „Ахъ, я поняла: вспомогательные глаголы — это прислуга глаголовъ, только одинъ несчастный глаголъ „имѣть“ долженъ самъ себѣ прислуживать!“ Она много читала внѣ уроковъ“.

Рядомъ съ этой характеристикой прочтите другую, данную совершенно инымъ лицомъ,

при совершенно иной обстановкѣ, но тоже о 18-лѣтней Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, и васъ поразитъ ихъ почти дословное совпаденіе.

„Великія Княжны, — вспоминаетъ А, А. Танѣева, начиная также съ общаго фона дружныхъ сестеръ, — выросли простыя, ласковыя, образованныя дѣвушки, ни въ чемъ не высказывая своего положенія въ обращеніи съ другими.

Ольга и Марія Николаевны были похожи на семью отца и имѣли чисто-русскій типъ. Ольга Николаевна была замѣчательно умна и способна и ученье было для нея шуткой, почему она иногда лѣнилась.

Характерными чертами у нея были сильная воля и неподкупная честность и прямота, въ чемъ она походила на мать. Эти прекрасныя качества были у нея съ дѣтства, но ребенкомъ Ольга Николаевна была нерѣдко упряма, непослушна и очень вспыльчива; впослѣдствіи она умѣла себя сдерживать. У нея были чудные бѣлокурые волосы, большіе голубые глаза и дивный цвѣтъ лица, немного вздернутый носъ, походившій на носъ Государя".

Два вопроса невольно возникаютъ въ интересахъ болѣе подробной обрисовки характера Великой Княжны: первый — ея индивидуальныя отличія въ сравненіи съ внутреннимъ міромъ ея любимой сестры, почти погодка, росшей съ ней въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, Великой Княжны Татьяны, вопросъ, завѣщанный еще Пушкинымъ, да еще въ этой созвучной игрѣ именъ, какъ въ чисто русской семьѣ Лариныхъ, — вѣчный вопросъ двухъ основныхъ женскихъ характеровъ — Марфы

и Маріи; второй — ея отношенія къ Государю и Государынѣ, т. е. къ тѣмъ основнымъ вліяніямъ, среди которыхъ и создался ея характеръ.

На первый вопросъ П. Жильяръ отвѣчаетъ такъ: „Татьяна Николаевна, отъ природы скорѣе сдержанная, была менѣе откровенна и непосредственна, чѣмъ старшая сестра. Она была также менѣе даровита, но искупала этотъ недостатокъ большой послѣдовательностью и ровностью характера. Она была очень красива, хотя не имѣла прелести Ольги Николаевны. Своей красотой и природнымъ умѣньемъ держаться она въ обществѣ затемняла сестру, которая меньше занималась своей особой и какъ-то стушевывалась. Обѣ сестры нѣжно любили другъ друга".

Здѣсь, какъ въ увертюрѣ, звучатъ первыя ноты мелодіи татьянинскаго характера, которая затѣмъ все ярче будетъ окрашивать внутренній міръ Великой Княжны Ольги. Наступятъ скоро для нея годы тяжелыхъ жизненныхъ испытаній, и полнѣе раскроется ея внутренній міръ.

„Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено".

Тогда яснѣй будутъ видны въ ней черты евангельской Маріи и пушкинской Татьяны.

„Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ,
Неясныхъ думъ, непѣтыхъ пѣсней много“.

А. Толстой.

III.

Душевный міръ Великой Княжны Ольги слагался въ кругу на рѣдкость сплоченной, дѣятельной взаимной любовью, прекрасной внутреннимъ ладомъ Царской Семьѣ. А святыня семьи — самый прочный и незамѣнимый фундаментъ для построенія человѣка, для расцвѣта всего прекраснаго въ немъ „Ихъ маленькія дѣтскія души, — съ мудрой любовью говорилъ Достоевскій, — требуютъ безпрерывнаго и неустаннаго соприкосновенія съ вашими родительскими душами, требуютъ, чтобы вы были для нихъ, такъ сказать, всегда духовно на горѣ, какъ предметъ любви, великаго нелицемѣрнаго уваженія и прекраснаго подражанія“. И это именно было въ Царской Семьѣ. Въ тѣ немногіе часы, когда Государь могъ быть съ дѣтьми, онъ озарялъ ихъ своимъ высокимъ нравственнымъ свѣтомъ и примѣромъ.

„Отношенія дочерей къ Государю, — вспоминаетъ П. Жильяръ, — были прелестны. Онъ былъ для нихъ одновременно Царемъ, отцомъ

и товарищемъ. Чувства, испытываемыя ими къ нему, видоизмѣнялись въ зависимости отъ обстоятельствъ. Онѣ никогда не ошибались, какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ относиться къ отцу; ихъ чувство переходило отъ религіознаго поклоненія до полной довѣрчивости и самой сердечной дружбы. Онъ былъ для нихъ то тѣмъ, передъ которымъ почтительно преклонялись министры, Вел. Князья и сама ихъ мать, то отцемъ, сердце котораго съ такой добротой раскрывалось навстрѣчу ихъ заботамъ или огорченіямъ, то, наконецъ, тѣмъ, кто вдали отъ нескромныхъ глазъ умѣлъ при случаѣ такъ весело присоединиться къ ихъ молодымъ забавамъ".

Отношеніе Великихъ Княженъ къ Государынѣ обусловливалось прежде всего отношеніемъ взрослыхъ дочерей къ очень строгой и требовательной матери, которая ихъ всѣмъ сердцемъ любила и дѣтьми только тогда и жила. По воспоминаніямъ П. Жильяра: „Мать, которую онѣ обожали, была въ ихъ глазахъ какъ бы непогрѣшима; одна Ольга Николаевна имѣла иногда поползновенія къ самостоятельности. Онѣ были полны очаровательной предупредительности по отношенію къ ней. Съ общаго согласія и по собственному почину, онѣ устроили очередное дежурство при матери: когда Императрицѣ нездоровилось, то исполнявшая въ этотъ день дочернюю обязанность безвыходно оставалась при ней". Государыня всегда была при дѣтяхъ (говорила она съ ними по-англійски; этимъ языкомъ Великія Княжны владѣли отлично); часами проводила время въ классной, руководя занятіями; учила ихъ рукодѣлію. Великая Княжна Ольга не любила рукодѣльничать, хотя работала очень хорошо,

и всегда во время этихъ занятій старалась устроиться чтицей.

Физически Великія Княжны были воспитаны на англійскій манеръ: спали въ большихъ дѣтскихъ, на походныхъ кроватяхъ (воспоминаніе А. А. Танѣевой), почти безъ подушекъ и мало покрытыя; холодная ванна по утрамъ и теплая — каждый вечеръ. Одѣвались очень просто; платье и обувь переходили отъ старшихъ къ младшимъ нерѣдко заставали ихъ въ аккуратно заштопанныхъ ситцевыхъ платьяхъ (за время войны ни одной не было сшито ничего новаго). Великая Княжна Ольга, какъ обладавшая лучшимъ вкусомъ, завѣдывала выборомъ фасоновъ для сестеръ.Каждой изъ нихъ выдавалось на личные расходы по 15 р. въ мѣсяцъ, и изъ этихъ денегъ онѣ должны были каждое воскресенье, бывая въ церкви, класть на тарелку по рублю.

Особой чертой Царской Семьи, какъ отмѣчаютъ воспоминанія, была та, что ихъ никто и никогда не видѣлъ незнающими, что съ собой дѣлать: всегда у каждой Великой Княжны находилось какое либо занятіе, всегда онѣ были оживлены.

Изъ сестеръ Великая Княжна Ольга была ближе всѣхъ съ совершенно иной по характеру Татьяной Николаевной; особенно нѣжныя отношенія старшей сестры были у нея къ Наслѣднику, который ее любилъ больше всѣхъ въ семьѣ и когда обижался изъ-за чего нибудь на отца и мать, то заявлялъ имъ, что онъ Ольгинъ сынъ, собиралъ свои игрушки и уходилъ въ ея комнату.

Великія Княжны воспитывались въ строгихъ требованіяхъ внимательнаго отношенія къ каждому человѣку, а не въ кичливомъ

сознанiи своихъ превосходствъ и высокаго положенiя. Государь всегда повторялъ:

„Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ скорѣе онъ долженъ помогать всѣмъ и никогда въ обращенiи не напоминать своего положенiя; такими должны быть и мои дѣти!“

Они такими и были, и это прежде всего проявлялось по отношенiю къ ближайшимъ окружающимъ, къ прислугѣ.

Изъ служащихъ, близкихъ простой жизни Царской Семьи, упомянемъ камердинера Ихъ Величествъ, старика Волкова. „Любовью онъ пользовался всеобщей, — читаемъ въ одномъ изъ воспоминанiй, - и дѣвочки постоянно висли на немъ; старикъ дѣлалъ сердитое лицо, а тѣ тормошили его, повѣдывали всѣ радости и горести.

Ставши взрослыми, Великiя Княжны продолжали дѣлиться съ „дѣдой“ своими переживанiями; разсказывали даже, въ кого влюблялись. Любили Великiя Княжны картины кинематографа, гдѣ фигурировали онѣ сами. Какъ только получалась такая картина, онѣ начинали приставать къ Волкову, чтобы онъ непремѣнно шелъ съ ними.

— Насмотрѣлся я на васъ и такъ, — ворчалъ старикъ, но шелъ и просиживалъ съ ними весь сеансъ. Любимицей его была старшая. „Ольга — это Романова!“ — съ гордостью говорилъ онъ про нее.

„Какое время пришло! — разсуждалъ онъ, — замужъ дочекъ пора выдавать, а выдавать не за кого, да и народъ-то все пустой сталъ, махонькiй!“

А и то правда!

Наступали тѣ дѣвичьи годы, когда, по

словамъ поэта, „въ сердце дума. заронилась; пора пришла“.

„Далекими кажутся мнѣ годы, — вспоминаетъ А. А. Танѣева, — когда подрастали Великія Княжны, и мы, близкіе, думали о ихъ возможныхъ свадьбахъ. За границу уѣзжать имъ не хотѣлось, дома же жениховъ не было. Съ дѣтства мысль о бракѣ волновала Великихъ Княженъ, такъ какъ для нихъ бракъ былъ связанъ съ отъѣздомъ за границу. Особенно же Великая Княжна Ольга Николаевна и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ изъ родины. Вопросъ этотъ былъ больнымъ мѣстомъ для нея, и она почти враждебно относилась къ иностраннымъ женихамъ“.

„Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно солнышко, родимая матушка!
Не отдавайте вы меня, горькую,
На чужу дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу, ко чужой матери...“

Слышалась въ ея думахъ эта древняя мольба русскихъ дѣвушекъ.

„Одно время,— продолжаетъ воспоминанія А. А. Танѣева, — думали о Вел. Князѣ Дмитріѣ Павловичѣ (род. въ 1891 г.), за котораго хотѣли выдать Татьяну Николаевну“.

Рядомъ съ этимъ приведемъ отрывокъ изъ воспоминаній, переданныхъ писателю С. Р. Минцлову: „Семья Государя чрезвычайно любила Дмитрія Павловича, и такъ какъ Великая Княжна Ольга тоже была неравнодушна къ нему, то въ Царской Семьѣ была преднамѣчена выдача замужъ Ольги за Дмитрія Павловича“.

Вспоминаются строки изъ вѣчно благоухающаго чистыми, юными чувствами „Дворянскаго гнѣзда“. „Кажется, онъ ей нравится?“

— спросилъ Лаврецкій у Марфы Тимофеевны. — „Господь ее вѣдаетъ! Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья и подавно...“ — отвѣчала много видавшая на своемъ вѣку старушка.

Съ начала 1914 года для бѣдной Великой Княжны Ольги, прямой и русской души, этотъ вопросъ до крайности обостриля; пріѣхалъ румынскій наслѣдный принцъ (теперешній король Каролъ II) съ красавицей матерью, королевой Маріей; приближенные стали дразнить Великую Княжну возможностью брака, но она и слышать не хотѣла.

Она вѣдь знала, что „князя не вольны, какъ дѣвицы — не по сердцу они себѣ подругъ берутъ, а по разсчетамъ иныхъ людей, для выгоды чужой...“

„Въ концѣ мая, — вспоминаетъ П. Жильяръ, — при Дворѣ разнесся слухъ о предстоящемъ обрученіи Вел. Княжны Ольги Николаевны съ принцемъ Кароломъ румынскимъ. Ей было тогда 18 съ половиной лѣтъ.

Родители съ обѣихъ сторонъ, казалось, доброжелательно относились къ этому предположенію, которое политическая обстановка дѣлала желательнымъ. Я зналъ также. что министръ ин. дѣлъ Сазоновъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы оно осуществилось, и что окончательное рѣшеніе должно быть принято во время предстоявшей вскорѣ поѣздки русской Императорской Семьи въ Румынію.

Въ началѣ іюля, когда мы были однажды наединѣ съ Вел. Княжной Ольгой Николаевной, она вдругъ сказала мнѣ со свойственной ей прямотой, проникнутой той откровенностью и довѣрчивостью, которыя дозволяли наши отношенія, начавшіяся еще въ то время, когда

она была маленькой дѣвочкой: „Скажите мнѣ правду, вы знаете, почему мы ѣдемъ въ Румынію?“

Я отвѣтилъ ей съ нѣкоторымъ смущеніемъ: „Думаю, что это актъ вѣжливости, которую Государь оказываетъ румынскому королю, чтобы отвѣтить на его прежнее посѣщеніе“.

— Да, это, можетъ быть, оффиціальный поводъ, но настояшая причина?... Ахъ, я понимаю, вы не должны ее знать, но я увѣрена что всѣ вокругъ меня объ этомъ говорятъ, и что вы ее знаете.

Когда я наклонилъ голову въ знакъ согласія, она добавила:

— Ну, вотъ такъ! Если я этого не захочу, этого не будетъ. Папа мнѣ обѣщалъ не принуждать меня... а я не хочу покидать Россію“.

— Но вы будете имѣть возможность возвращаться сюда, когда вамъ это будетъ угодно.

— Несмотря на все, я буду чужой въ моей странѣ, а я русская и хочу остаться русской!“

13-го іюня мы отплыли изъ Ялты на Императорской яхтѣ „Штандартъ“ и на слѣдующій день утромъ подошли къ Констанцѣ. Торжественная встрѣча; интимный завтракъ, чай, затѣмъ парадъ, а вечеромъ — пышный обѣдъ. „Ольга Николаевна, сидя около принца Карола, съ обычной привѣтливостью отвѣчала на его вопросы. Что касается остальныхъ трехъ ВеликихъКняженъ, — онѣ съ трудомъ скрывали скуку, которую всегда испытывали въ подобныхъ случаяхъ, и поминутно наклонялись въ мою сторону, указывая, смѣющимися глазами на старшую сестру... Вечеръ

рано окончился, и часъ спустя яхта отошла, держа направленіе на Одессу.

На слѣдующій день утромъ я узналъ, что предположеніе о сватовствѣ было оставлено, или, по крайней мѣрѣ, отложено на неопредѣленное время. Ольга Николаевна настояла на своемъ“.

Такъ заканчиваетъ это интересное воспоминаніе П. Жильяръ и въ ссылкѣ добавляетъ: „Кто могъ предвидѣть тогда, что эта свадьба могла спасти ее отъ ожидавшей тяжкой участи“.

Кто знаетъ, что судьба готовила бы ей?

Мы видимъ только по этой документальной записи, что высшее чувство, которымъ она руководствовалась при рѣшеніи этого, для нея чисто личнаго вопроса — чувство глубокаго патріотизма.

„Я русская и хочу остаться русской!“

Черезъ мѣсяцъ запылали первыя зори великой войны. Царская Семья, какъ затѣмъ и многія, многія хорошія русскія семьи, была „призвана“ на эту страду Россіи. Государь часто отлучался изъ Царскаго Села, а затѣмъ и совсѣмъ переселился въ Ставку. Государыня возложила на себя большой трудъ по организаціи помощи раненымъ и вскорѣ Сама стала, кромѣ того рядовой сестрой милосердія.

Старшія Великія Княжны явились Ея усердными и дѣятельными помощницами.

А. А. Танѣева такъ вспоминаетъ о началѣ этой работы: „Государыня организовала особый эвакуаціонный пунктъ, въ который входило около 85 лазаретовъ; обслуживали эти лазареты около 10 санитарныхъ поѣздовъ Ея

Имени и Имени Дѣтей. Чтобы лучше руководить дѣятельностью лазаретовъ, Императрица рѣшила лично пройти курсъ сестеръ милосердія военнаго времени съ двумя старшими Вел. Княжнами; преподавательницей выбрали княжну Гедройцъ, хирурга — завѣдующаго Дворцовымъ госпиталемъ. Два часа ежедневно занимались съ ней, а для практики поступили рядовыми хирургическими сестрами въ лазаретъ при госпиталѣ. Выдержавъ экзаменъ, Императрица и Вел. Княжны на ряду съ другими сестрами получили красные кресты и аттестаты на званіе сестры милосердія.

Началось страшно трудное и утомительное время. Съ ранняго утра до поздней ночи не прекращалась лихорадочная дѣятельность. Вставали рано, ложились иногда въ два часа ночи; Вел. Княжны цѣлыми днями не снимали костюмовъ сестеръ милосердія. Когда прибывали санитарные поѣзда, Императрица и Вел. Княжны дѣлали перевязки, ни на минуту не присаживаясь".

20-го октября 1914 года Императрица писала Государю: „Пошли за Мной, Ольгой и Татьяной. Мы какъ-то такъ мало видимъ другъ друга, а есть такъ много, о чемъ хотѣлось бы поговорить и разспросить, а къ утру мы торопимся".

„Какъ всегда, — читаемъ мы въ одномъ изъ воспоминаній, — въ тяжелыя и тревожныя минуты Ихъ Величества черпали нужную Имъ поддержку въ религіи и въ любви Своихъ Дѣтей. Вел. Княжны просто и благодушно относились къ все болѣе и болѣе суровому образу жизни во дворцѣ. Правда, что все Ихъ прежнее существованіе, совершенно лишенное всего, что обычно краситъ дѣвичью жизнь,

приготовило ихъ къ этому. Въ 1914 году, когда вспыхнула война, Ольгѣ Николаевнѣ было почти 19 лѣтъ, а Татьянѣ Николаевнѣ минуло 17. Онѣ не присутствовали ни на одномъ балу; имъ удалось лишь участвовать на двухъ-трехъ вечерахъ у своей тетки, Вел. Кн. Ольги Александровны.

Съ начала военныхъ дѣйствій у нихъ была одна лишь мысль — облегчить заботы и тревоги своихъ Родителей; онѣ окружали ихъ своей любовью, которая выражалась въ самыхъ трогательныхъ и нѣжныхъ знакахъ вниманія".

Сказывалась крѣпкая русская семья.

IV.

Первые годы войны, когда вниманіе всѣхъ было приковано всецѣло къ фронту, совершенно перестроили жизнь Велик. Княжны Ольги. Изъ замкнутаго круга семьи съ ея простой, строго размѣренной жизнью ей пришлось, вопреки всѣмъ склонностямъ и чертамъ ея характера, повести жизнь работницы внѣ семьи, а иногда и общественнаго дѣятеля.

Рабочій день начинался для нея съ 9-ти час. утра. „Татьяна съ Ольгой уже улетѣли въ лазаретъ", — писала Государыня. Тамъ онѣ — простыя сестры милосердія. „Сегодня утромъ мы присутствовали (Я, пишетъ Государыня, всегда помогаю, передаю инструменты, а Ольга продѣваетъ нитки въ иглы) при первой нашей большой ампутаціи (цѣлая рука была отрѣзана), потомъ мы всѣ дѣлали перевязки... очень серьезныя въ большомъ лазаретѣ". Говоря объ одной изъ сестеръ, Государыня замѣчаетъ: „Она постоянно меня удивляетъ своимъ обращеніемъ: въ ней нѣтъ ничего любящаго и женственнаго, какъ въ нашихъ дѣвочкахъ".

Работа обычно затягивалась. „Ольга и Татьяна (а онѣ всегда вмѣстѣ) вернулись только около двухъ, у нихъ было много дѣла".

Почти ежедневно Государыня записывала:

„Старшія дѣвочки вечеромъ идутъ чистить инструменты“.

Нельзя, конечно, считать, что ихъ цѣна, какъ сестеръ милосердія, была въ этой обычной работѣ. Появленіе въ лазаретахъ Августѣйшихъ дочерей Государя само по себѣ облегчало страданія и скрашивало часы мукъ. Тѣмъ болѣе, что онѣ отъ всей души, всѣми стедствами хотѣли утѣшать и исцѣлять.

„Ольга, — пишетъ Государыня, — поведетъ Наслѣдника въ Большой дворецъ повидать офицеровъ, которымъ не тѣрпится увидѣть его“. Государыню зовутъ къ телефону, чтобы сказать объ умирающемъ. „Ольга и я отправились въ Большой дворецъ взглянуть на него. Онъ лежалъ тамъ такъ мирно, покрытый моими цвѣтами“...

Часто Великимъ Княжнамъ приходилось самимъ выѣзжать въ Петроградъ для предсѣдательствованія въ благотворительныхъ комитетахъ ихъ имени или для сбора пожертвованій. Для Вел. Княжны Ольги это было непривычнымъ и очень нелегкимъ дѣломъ, такъ какъ она и стѣснялась, и не любила никакихъ личныхъ выступленій.

Государыня писала: „Ольга и Татьяна — въ Ольгинскомъ Комитетѣ. Это такъ хорошо для дѣвочекъ: онѣ учатся самостоятельности и онѣ разовьются гораздо больше, разъ имъ приходится самостоятельно думать и говорить безъ моей постоянной помощи“... „Солнечное утро, и мы, конечно, ѣдемъ въ городъ“, какъ говоритъ Ольга... Я взяла съ собой Ольгу чтобы посидѣла рядомъ со мной, она тогда болѣе привыкнетъ видѣть людей и слышать, что происходитъ. Она умное дитя“... „Ольга

и Татьяна отправились въ городъ принимать подарки въ Зимнемъ дворцѣ"... „Выставка-базаръ дѣйствуютъ очень хорошо. Наши вещи раскупаются прежде, чѣмъ онѣ появятся; каждой изъ насъ удается ежедневно изготовить подушку и покрышку"... „Ольга и Татьяна въ отчаяніи отправились въ городъ на концертъ въ циркѣ въ пользу Ольгинскаго комитета; безъ ея вѣдома пригласили всѣхъ министровъ и пословъ, такъ что она вынуждена была поѣхать"... „Плевицкая принесла Ольгѣ деньги отъ концертовъ, которые она давала; она пѣла для Ольги въ Кіевѣ"...

Великимъ Княжнамъ приходилось часто за это время сопровождать Государыню въ ея поѣздкахъ по Россіи для посѣщенія военныхъ госпиталей и въ Ставку.

„Великія Княжны, — вспоминаетъ П. Жильяръ, — очень любили эти поѣздки въ Могилевъ, всегда слишкомъ короткія, какъ имъ казалось; это вносило небольшую перемѣну въ ихъ однообразную и суровую жизнь. Онѣ пользовались тамъ большей свободой, чѣмъ въ Царскомъ Селѣ.

Станція въ Могилевѣ была очень далеко отъ города и стояла почти въ полѣ. Великія Княжны пользовались своими досугами, чтобы посѣщать окрестныхъ крестьянъ и семьи желѣзнодорожныхъ служащихъ. Ихъ простая и безъискуственная доброта побѣждала всѣ сердца, и такъ какъ онѣ очень любили дѣтей, ихъ всегда можно было видѣть окруженными толпою ребятишекъ, которыхъ онѣ собирали по дорогѣ и закармливали конфектами".

Работа, поѣздки и одиночество Государыни сблизили ее съ ея „старшими", особенно съ Великой Княжной Ольгой, съ ней — отча-

сти потому, что она за это время часто прихварывала.

Припомнимъ выдержки изъ писемъ Государыни:

„Ольга встала только для прогулки, а теперь послѣ чая она остается на диванѣ, и мы будемъ обѣдать наверху — это моя система лѣченія — она должна больше лежать, такъ какъ она ходитъ такая блѣдная и усталая“... „Отправляюсь въ церковь съ Ольгой“... „Я полчаса ѣздила въ саняхъ съ Ольгой — было тихо, шелъ снѣгъ“... „Въ церкви никого не было, только пришла милая Ольга“.

Если кто заболѣетъ въ царской семьѣ, она и подежуритъ (при Государынѣ) и накормитъ (парализованную фрейлину кн. Орбеліани) подбодритъ (любимца Наслѣдника во время его сильныхъ болей).

А въ часы отдыха, въ тѣ минуты, когда, по выраженію Государыни „на сердцѣ словно пѣсни звучатъ“, Вел. Княжна шумно побѣгаетъ по комнатамъ съ сестрой Маріей, поѣздитъ верхомъ, пострѣляетъ въ цѣль съ Наслѣдникомъ, а то „въ маленькомъ домѣ“ княженъ, на квартирѣ у А. А. Вырубовой, принимаетъ съ сестрами своихъ гостей-барышень (среди нихъ наиболѣе близкія ей М. С. Хитрово и И. Толстая), играетъ съ ними; иногда приглашались выздоровѣвшіе раненые офицеры. Дома — часто играетъ на роялѣ, иногда поетъ. Много читаетъ; ведетъ дневникъ и довольно большую переписку.

1 ноября 1915 года Императрица писала Государю:

„Шлю тебѣ самыя нѣжныя поздравленія по случаю двадцатой годовщины рожденія нашей милой Ольги. Какъ время летитъ! Я

помню каждую подробность этого памятнаго дня такъ хорошо, что кажется, что будто это произошло только вчера".

Ко дню крестинъ Вел. Княжны Ольги, 14 ноября, Государыня опять говоритъ о ней:

„Да ниспошлются нашимъ дѣтямъ щедрыя милости Бога, — я съ мучительнымъ страхомъ думаю объ ихъ будущемъ, — оно такъ неизвѣстно. Жизнь — загадка, будущее скрыто завѣсой, и когда я смотрю на нашу большую Ольгу, мое сердце полно волненія, и я спрашиваю, какая судьба ей готовится, что ее ожидаетъ?"

Тревоги матери оказались вѣщими.

Уже въ январѣ 1916 года она взволнована неожиданнымъ планомъ Вел. Княгини Маріи Павловны просватать Вел. Княжну Ольгу за Вел. Кн. Бориса Владимировича. Говоря объ этомъ съ Государемъ, Императрица писала:

„Ахъ, если бы дѣти наши могли бы также быть счастливы въ своей супружеской жизни! Мысль о Борисѣ слишкомъ несимпатична, и я увѣрена, что наша дочь никогда бы не согласилась за него выйти замужъ, и я ее прекрасно поняла бы"...

„У нея въ головѣ и сердцѣ были другія мысли — это святыя тайны молодой дѣвушки, другіе ихъ не должны знать, это для Ольги было бы страшно больно. Она такъ воспріимчива"... „Чѣмъ больше я думаю о Борисѣ, — пишетъ Государыня черезъ нѣсколько дней, — тѣмъ болѣе я отдаю себѣ отчетъ, въ какую ужасную компанію будетъ втянута его жена..." И она вспоминаетъ свою старшую дочь „чистую, свѣжую дѣвушку", которая на 18 лѣтъ моложе его.

Конечно, изъ попытокъ этого сватовства ничего не вышло.

И снова Государыня, у новаго рубежа, задаетъ тѣ же для нея мучительные вопросы.

„Въ четвергъ нашей Ольгѣ будетъ 21 годъ. Совсѣмъ почтенный возрастъ. Я всегда себя спрашиваю, за кого наши дѣвочки выйдутъ замужъ, и не могу себѣ представить, какая будетъ ихъ судьба“.

А сама Великая Княжна? Тяжело переживала она эти жизненные уроки, или уходя всецѣло въ работу, или ища опоры въ ея все крѣпчавшихъ прекрасныхъ отношеніяхъ съ отцомъ. Съ матерью, въ силу ли ихъ близости, неизмѣнной требовательности ея, или во имя стараго вопроса взаимоотношеній „отцовъ и дѣтей“, эти отношенія иногда портились. Государыня, по чувству матери, все считала дочерей маленькими, и ей приходилось какъ-то неожиданно сознавать, что время-то свое беретъ.

„Просто грустно, — писала она Государю, утомленная сложными переживаніями: больше нѣтъ маленькихъ дѣтей (весна 1916 года)... Такое полное одиночество, — у дѣтей при всей ихъ любви все-таки совсѣмъ другія идеи, и они рѣдко понимаютъ мою точку зрѣнія на вещи, даже самыя ничтожныя, — они всегда считаютъ себя правыми, и когда я говорю имъ, какъ меня воспитали и какъ слѣдуетъ быть воспитанной, они не могутъ понять. Только когда я спокойно говорю съ Татьяной, она понимаетъ. Ольга всегда крайне нелюбезна по поводу всякаго предложенія, хотя бываетъ, что она въ концѣ-концовъ дѣлаетъ то, что я желаю. А когда я бываю строга, — она на меня дуется... Ольга все время не въ духѣ,

недовольна, что надо одѣться прилично для лазарета, а не быть въ формѣ сестры (въ дни Пасхи), и надо туда идти оффиціально; съ ней все дѣлается труднѣе изъ-за ея настроенья".

Но эти дни мелкихъ и вѣдь такихъ естественныхъ раздраженій и расхожденій проходили, и Государыня съ иными, полными и объемлющими чувствами писала: „Наши дѣвочки прошли черезъ тяжелые курсы для своихъ лѣтъ, и ихъ души очень развились — онѣ въ самомъ дѣлѣ такія славныя и такъ милы теперь. Онѣ дѣлили всѣ наши душевныя волненія, и это научило ихъ смотрѣть на людей открытыми глазами, такъ что это очень имъ поможетъ позднѣе въ жизни. Мы одно, а это, увы, такъ рѣдко въ теперешнее время — мы тѣсно связаны вмѣстѣ".

Отношенія съ отцомъ у Великой Княжны Ольги слагались оригинально.

Внѣшне на него похожая, „дочь отца", какъ ее часто называли, она съ дѣтскихъ лѣтъ горячо полюбила его.

Учительница Ш. передаетъ воспоминаніе о такомъ случаѣ: „Когда Ольга впервые, совсѣмъ крошкой, пріѣхала въ Смольный („Смоленъ институтъ", какъ онѣ его тогда называли), ее окружили институтки; она была такъ мала, что не могла увидѣть того, что лежало на одномъ изъ столовъ. „Ну, какая же ты „Великая" Княжна, когда не можешь заглянуть на столъ?" — пристали къ ней дѣвочка. Ольга задумалась, затѣмъ развела ручками. — „Я и сама не знаю! — отвѣтила она, — спросите папу, онъ все знаетъ!" и побѣжала къ отцу спрашивать его.

Мы уже отмѣчали, что и отецъ сталъ постепенно выдѣлять ее среди дочерей, сна-

чала, какъ старшую, а потомъ онъ невольно и полюбилъ ее больше. Умница, прямая, съ волевымъ характеромъ, а въ то же время скромница, какъ бы дичившаяся, ярко русская душой, она при душевномъ строѣ Государя была ему близка, необходима тѣмъ болѣе, чѣмъ старше и самобытнѣе становилась она. Когда они разстались съ наступленіемъ войны, она чаще другихъ писала ему длинныя, подробныя письма.

Безмѣрная радость была при полученіи писемъ отъ Государя. 7-го декабря 1916 года Государыня писала: „Ты не можешь себѣ представить радость Ольги, когда она получила твою телеграмму — она совсѣмъ порозовѣла и не могла ее прочесть вслухъ, она напишетъ тебѣ сама сегодня. Спасибо, мой голубчикъ, за то, что ты сдѣлалъ ей этотъ великолѣпный сюрпризъ (въ день своихъ именинъ Государь помнилъ о старшей дочери) — она и сестры чувствовали себя такъ, словно это былъ день ея рожденія. Она сразу послала телеграмму пластунамъ".

Государь платилъ ей такой же любовью. По воспоминаніямъ переданныхъ С. Р. Минцлову, въ послѣдніе годы онъ не разъ приходилъ на „дѣтскую" половину по ночамъ, будилъ Ольгу и дѣлился съ ней новостями и мыслями.

Въ январѣ 1915 года, когда они жили въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, свидѣтелемъ этого бывалъ и караулъ юнкеровъ Александровскаго военнаго училища.

Не разъ, когда ожидались важныя вѣсти, Царь подолгу ходилъ одинъ по корридору; когда телеграммы приносили, онъ входилъ въ сосѣднюю комнату и вызывалъ Ольгу; та

появлялась въ спальномъ бѣломъ халатикѣ, Государь прочитывалъ ей все и затѣмъ совѣщался съ нею, гуляя по корридору, какъ съ маленькимъ близкимъ другомъ.

Тѣ же воспоминанія говорятъ будто о другомъ.

„Ольга была настолько умна, и ее такъ выдѣляли въ Царской Семьѣ, что предназначали ее, на случай возможной смерти Алексѣя, въ престолонаслѣдницы, для чего Царь собирался измѣнить Павловскій законъ".

Мы знаемъ, что мысль объ этомъ была въ Царской Семьѣ, но не въ годы войны, а до рожденія Наслѣдника.

По воспоминаніямъ графа С. Ю. Витте, „Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ явился на свѣтъ, когда у Государя были четыре дочери, и поэтому одно время, насколько мнѣ было извѣстно отъ бывшаго министра юстиціи Н. В. Муравьева, у Ихъ Величествъ появилась мысль, или вѣрнѣе вопросъ, нельзя ли въ случаѣ, если они не будутъ имѣть сына, передать престолъ старшей дочери. Я подчеркиваю, что это не было отнюдь рѣшеніе, а лишь только вопросъ. Этимъ вопросомъ занимался какъ Н. В. Муравьевъ, такъ и К. П. Побѣдоносцевъ, который къ таковой мысли относился совершенно отрицательно, находя, что это поколебало бы существующій законъ о престолонаслѣдіи".

Годы шли; обстановка измѣнилась. Но состояніе здоровья Наслѣдника всегда внушало самыя серьезныя опасенія.

Кто знаетъ, какъ при иныхъ историческихъ соотношеніяхъ сложились бы дальнѣйшія судьбы Россіи, и какую роль пришлось бы играть Великой Княжнѣ Ольгѣ, мудрой,

скромной, любимой дочери Государя, такъ любившей Россію.

„Въ послѣдніе годы она все болѣе и болѣе любила уединяться. Писала стихи, и книга была ея вѣчной спутницей.

Любимѣйшей фигурой исторіи была у нея Екатерина II.

— „Все это только красивыя фразы, — сказала Императрица Александра Өеодоровна, — а дѣла нѣтъ никакого!“

— Красивыя слова поддерживаютъ людей, какъ костыли) — возразила Ольга, — при Екатеринѣ было сказано много красивыхъ словъ, которыя перешли потомъ въ дѣло!“

„О, еслибы хоть разъ я твой увидѣлъ ликъ,
Какимъ я зналъ его въ счастливѣйшіе годы!“
А. Толстой.

V.

Въ началѣ февраля 1917 года Великая Княжна Ольга Николаевна была больна воспаленіемъ уха, и вся семья обычно собиралась у нея въ дѣтской; тамъ же игралъ съ Наслѣдникомъ пріѣхавшій къ нему въ гости кадетъ 1-го корпуса, подозрительно кашлявшій и на другой день заболѣвшій корью. Дней черезъ десять этой же болѣзнью и въ сильной формѣ заболѣли Великая Княжна Ольга и ея любимецъ Наслѣдникъ. Болѣзнь протекала весьма бурно, при температурѣ 40,5. Въ полузабытьи Вел. Княжна видѣла около себя Государыню въ бѣломъ халатѣ, и до нея долетали разговоры о какихъ-то безпорядкахъ и бунтахъ въ Петроградѣ.

Утромъ 8-го марта Государыня сказала П. Жильяру: „Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексѣя, необходимо все ему сказать. Хотите вы это сдѣлать?

Я пойду говорить съ дѣвочками“

Видно, какъ она страдаетъ при мысли о томъ горѣ, которое она причинитъ больнымъ Великимъ Княжнамъ, сообщая объ отреченіи

ихъ отца, — горе, которое можетъ осложнить ихъ болѣзнь. 9-го марта прибылъ, наконецъ, къ семьѣ глубоко страдавшій Государь и тотчасъ поднялся въ комнату къ больнымъ дочерямъ, что принесло имъ величайшую радость: вся семья была вмѣстѣ. Къ 18 марта Великая Княжна поправилась настолько, что могла уже быть въ церкви; въ эти же дни ей пришлось быть невольной свидѣтельницей первой встрѣчи Царской Семьи съ Керенскимъ. По свидѣтельству Теглевой, онъ былъ принятъ Ихъ Величествами въ классной комнатѣ въ присутствіи Алексѣя Николаевича и Ольги Николаевны.

Затѣмъ Великая Княжна опять заболѣла воспаленіемъ легкихъ и окончательно выздоровѣла лишь въ срединѣ апрѣля, такъ что не смогла быть со всѣми на грустной въ томъ году заутренѣ и розговѣнахъ.

Все это время ее окружали нѣжнымъ вниманіемъ сестры, ухаживала за ней Государыня, по вечерамъ могъ приходить отдѣленный отъ семьи въ то время Государь, который обычно имъ что-нибудь читалъ.

Послѣ выздоровленія жизнь Великой Княжны, какъ и всей Царской Семьи, сложилась крайне своеобразно.

Вставали рано; затѣмъ — двѣ прогулки: одна отъ 11 ч. до завтрака и вторая — отъ 2 съ полов. до 5 час. дня. Всѣ должны были (кромѣ Государя, который гулялъ отдѣльно) собраться въ полукруглой залѣ и ждать, пока начальникъ охраны откроетъ двери въ паркъ; „мы выходимъ, — говоритъ П. Жильяръ, — дежурный офицеръ и солдаты слѣдуютъ за нами и окружаютъ то мѣсто, гдѣ мы останавливаемся для работы“.

Объ этой работѣ мы узнаемъ изъ писемъ Великой Княжны Ольги, посланныхъ изъ Царскаго Села:

„1 мая. Мы устраиваемъ въ саду, около самаго дома, большой огородъ и днемъ всѣ вмѣстѣ работаемъ.

6 іюня. Теперь въ саду началась рубка сухихъ деревьевъ, пилимъ дрова и т. д. Огородъ процвѣтаетъ. Ѣли вчера нашу первую редиску. Она ярко красная и очень вкусная.

29 іюня. Работаемъ въ саду попрежнему. Срубили пока болѣе 70 деревьевъ.

10 іюля. Сегодня совсѣмъ тихо. Слышу звонъ въ Екатерининскомъ соборѣ; такъ хочется иногда зайти къ Знаменью. Пишу вамъ, лежа на травѣ, у пруда. Погода чудная и такъ хорошо. Алексѣй ходитъ около и маршируетъ по дорожкѣ. Всѣ остальные рубятъ сухія деревья въ лѣсу. У насъ поспѣли на огородѣ нѣсколько огурцовъ, не говоря о мелкихъ овощахъ, которыхъ очень много".

Утромъ и днемъ шли занятія младшихъ. Великая Княжна Ольга преподавала своимъ сестрамъ и брату англійскій языкъ.

Общая обстановка жизни все ухудшалась. Такъ, напримѣръ, П. Жильяръ 14 мая записалъ въ свой дневникъ: „Съ нѣкоторыхъ поръ намъ даютъ очень мало дровъ и вездѣ очень холодно".

Но несмотря на это среди Царскихъ дѣтей настроеніе было бодрое и временами даже жизнерадостное. Прочтите запись П. Жильяра отъ 22 іюня: „Такъ какъ у Великихъ Княженъ послѣ болѣзни сильно падали волосы, имъ наголо обрили головы; когда онѣ выходятъ въ садъ, то надѣваютъ шляпы, сдѣланныя, чтобы скрыть отсутствіе волосъ. Въ ту минуту, когда

я собирался ихъ фотографировать, онѣ, по знаку Ольги Николаевны, быстро сняли шляпы. Я протестовалъ, но онѣ настояли, забавляясь мыслью увидѣть свои изображенія въ этомъ видѣ. Несмотря на все, время отъ времени ихъ юморъ вновь проявляется; это дѣйствіе бьющей ключемъ молодости".

Поневолѣ, такъ какъ кругомъ все было такъ тяжело: Россія, которую они всѣ такъ любили, гибла; ихъ всѣ предательски покидали. Самые близкіе, тѣ придворные, о которыхъ въ Царской Семьѣ говорили съ такой нѣжной лаской, а нѣкоторымъ изъ нихъ Великая Княжна посылала въ Ставку свои милыя письма; люди, которые были приняты, какъ родные („Сашка съ нами завтракалъ; онъ остался тѣмъ же и дразнилъ Ольгу, какъ всегда", — писала Государыня въ іюнѣ 1917 г. про одного изъ нихъ) — почти всѣ покидали осиротѣвшую семью. „С., самаго ихъ близкаго друга, Ея Величество и дѣти все время ожидали, но онъ не появлялся, и другіе всѣ тоже бѣжали", — пишетъ А. А. Танѣева.

А Великія Княжны переживали это очень тяжело. Еще въ декабрѣ 1916 года Государыня съ грустью писала Государю:

„Вчера вечеромъ у Ольги былъ комитетъ, но онъ не продолжался долго. Володя Волк., который всегда имѣетъ для нея одну-двѣ улыбки, избѣгалъ ея взгляда и ни разу не улыбнулся. Ты видишь — наши дѣвочки научились наблюдать людей и ихъ лица, — онѣ очень сильно развились духовно черезъ все это страданіе, — онѣ знаютъ все, черезъ, что мы проходимъ, — это необходимо и дѣлаетъ ихъ зрѣлыми. Къ счастью, онѣ по временамъ большія беби, но у нихъ есть вдум-

чивость и душевное чувство гораздо болѣе мудрыхъ существъ“.

„Всѣмъ этимъ людямъ, — говоритъ слѣдователь Н. Соколовъ, — можно невольно противопоставить двухъ другихъ. Это были М. С. Хитрово и О. Колзакова. Онѣ не боялись имѣть общеніе съ заключенной семьей и въ своихъ письмахъ слали ей слова любви и глубокой преданности, не прикрывая своихъ именъ никакими условностями“ (Ольгу Николаевну очень любила Маргарита Хитрово, — вспоминаетъ Е. С. Кобылинскій).

Съ глубой скорбью и большими слезами покидали Великія Княжны Царское Село. Днемъ 31 іюля онѣ простились съ дорогими уголками Царскосельскаго парка, островками, огородомъ. Къ часу ночи всѣ, готовыя къ отъѣзду, собрались въ полукруглой залѣ и здѣсь провели въ томительномъ и тревожномъ ожиданіи до 5 часовъ утра. Великія Княжны много плакали. Въ поѣздѣ размѣстились удобно: Вел. Княжны въ отдѣльномъ купэ въ вагонѣ Государя, ихъ прислуга — въ ближайшихъ вагонахъ.

4-го августа прибыли въ Тюмень, а 6-го — въ Тобольскъ на пароходѣ „Русь“, на которомъ прожили еще около недѣли, пока приготовляли домъ, предназначенный для Царской Семьи.

Когда перешли въ него, комната Великихъ Княженъ оказалась на второмъ этажѣ, рядомъ со спальней Государя и Государыни.

Въ письмахъ изъ Тобольска Вел. Княжна Ольга писала:

„10 декабря. Мы четыре живемъ въ крайней голубой комнатѣ. Устроились очень уютно. Когда сильные морозы, довольно холодно, дуетъ въ окно.

5 февраля. Здѣсь много солнца, но морозы въ общемъ не сибирскіе, бываютъ часто вѣтра, а тогда холодно въ комнатахъ, особенно въ нашей угловой. Живемъ мы по прежнему, всѣ здоровы, много гуляемъ. Столько тутъ церквей, что постоянно звонъ слышишь".

Первое время, приблизительно мѣсяца 1½, было едва ли не лучшимъ въ заключеніи Царской Семьи; жизнь текла ровно и спокойно („сибирское спокойствіе", — говоритъ Н. Соколовъ). Въ 8 ч. 45 м. подавался утренній чай. Государь пилъ его въ своемъ кабинетѣ всегда съ Ольгой Николаевной. Послѣ чая Государыня и Ольга Николаевна обычно читали; въ 11 ч. выходили на прогулку въ загороженное мѣсто.

Т. Боткина вспоминаетъ:

„Его Величество своей обычной быстрой походкой ходилъ взадъ и впередъ отъ забора до забора. Великія Княжны Ольга и Татьяна, въ сѣрыхъ макинтошахъ и пуховыхъ шапочкахъ — синей и красной, быстро шагали рядомъ съ отцомъ".

„Заготовлять дрова для кухни и дома,— говоритъ П. Жильяръ, — это занятіе было нашимъ главнымъ развлеченіемъ на воздухѣ, и даже Великія Княжны пристрастились къ этому новому виду спорта. Днемъ опять прогулка, если не очень холодно, — какъ говорятъ частыя приписки. — Въ комнатахъ тоже очень холодно; въ нѣкоторыхъ только шесть градусовъ (спальня Вел. Княженъ, — отмѣчаетъ П. Жильяръ, — настоящій ледникъ); сидѣли въ толстыхъ вязаныхъ кофтахъ и надѣвали валенки (жили все бѣднѣе: 15 декабря Государыня писала: „рубашки у дочекъ въ дырахъ").

Главнымъ фономъ этой жизни была тоска, горькое чувство заброшенности („Тобольскъ — тихій заброшенный уголокъ, когда рѣка замерзаетъ“, — писала Великая Княжна Ольга); а отсюда — желаніе хоть чѣмъ-нибудь развлечь себя.

Устроили качели, — солдаты штыками вырѣзали на нихъ совершенно непозволительныя надписи; сами сложили ледяную гору, которая явилась громаднымъ развлеченіемъ для княженъ, воспитанныхъ въ здоровомъ духѣ здоровыхъ физическихъ развлеченій, но черезъ мѣсяцъ солдаты кирками ночью разрушили ее, будто на томъ основаніи, что, поднимаясь на эту гору, Ихъ Высочества оказывались уже внѣ забора, на виду у публики.

Вечерами собирались всей семьей съ оставшимися имъ вѣрными. Вел. Княжна Ольга играла на роялѣ, работали, играли въ карты, Государь читалъ. Часто дѣти сходились въ караульное помѣщеніе. Вел. Княжны, со свойственной имъ простотой, которая и составляла ихъ главную привлекательность, любили разговаривать съ солдатами охраны, разспрашивали объ ихъ семьяхъ, селахъ, о сраженіяхъ.

Съ февраля, по почину П. Жильяра, начали устраивать домашніе спектакли. Великая Княжна Ольга принимала въ нихъ участіе рѣже другихъ, но слѣдуетъ отмѣтить, что въ единственной русской пьесѣ ихъ репертуара (спектакль 18 февраля), въ шуткѣ Чехова „Медвѣдь“ роль Поповой играла Великая Княжна Ольга, а ея партнеромъ (роль Смирнова) былъ Государь.

Въ пьесѣ «La Bete Noireu» она играла роль Maman Meiette.

По субботамъ бывала всенощная въ залѣ,

а по воскресеньямъ разрѣшали ходить подъ охраной черезъ городской садъ въ церковь Благовѣщенья".

„24 декабря, — какъ писала одна изъ Вел. Княженъ, — была у насъ всенощная; за столомъ со всѣми образами, поставили елку; такъ она и простояла всю всенощную; на елку мы ничего не вѣшали". „Зато, — вспоминалъ одинъ изъ присутствующихъ, — всѣ женскія руки семьи приготовили всѣмъ по нѣсколько подарковъ, и всѣ вмѣстѣ своею бодростью и привѣтливостью сумѣли всѣмъ окружающимъ устроить настоящій праздникъ".

Къ новому году Вел. Княжна заболѣла краснухой, заразившись отъ одного изъ товарищей Наслѣдника, съ которымъ она продолжала быть неразлучной.

Несмотря на всю эту подневольную, полную лишеній и тревогъ тоскливо-сиротливую жизнь, Вел. Княжны были бодры духомъ. „Такія храбрыя и хорошія, никогда не жалуются, я такъ довольна ихъ душами" — писала Государыня изъ Тобольска.

Скоро наступятъ для нихъ, для Великой Княжны Ольги, страшныя испытанія, пойдутъ онѣ на свою Голгофу, и хочется здѣсь, какъ бы въ послѣдній разъ, присмотрѣться къ духовному міру Вел. Княжны, какой она рисовалась въ эти дни хорошо ее узнавшимъ, но постороннимъ людямъ.

Полковникъ Е. С. Кобылинскій, прожившій годъ съ Царской Семьей (Царское Село — Тобольскъ), и наблюдавшій ее въ самыхъ различныхъ условіяхъ, такъ охарактеризовалъ слѣдователю Вел. Княжну:

„Ольга Николаевна — недурная блондинка, лѣтъ 23. Барышня въ русскомъ духѣ. Она

любила читать, была способная, развитая дѣвушка, хорошо говорила по-англійски и плохо по-нѣмецки.

Она имѣла способности къ искусствамъ: играла на роялѣ, пѣла и въ Петроградѣ училась пѣнію (у нея было сопрано), хорошо рисовала. Была она очень скромная и не любила роскоши. Одѣвалась очень скромно и въ этомъ отношеніи постоянно одергивала другихъ сестеръ. Сущность ея натуры, я бы сказалъ, вотъ въ чемъ: это — *русская хорошая дѣвушка съ большой душой.* Она производила впечатлѣніе дѣвушки, какъ будто бы испытавшей какое-либо горе, — такой на ней лежалъ отпечатокъ. Мнѣ казалось, что она больше любила отца, чѣмъ матъ, а затѣмъ она больше всего любила Алексѣя Николаевича и звала его „маленькій" или „бэби". Никто какъ-то не замѣчалъ старшинства Ольги Николаевны. Всѣ онѣ были очень милыя, симпатичныя, простыя въ общемъ, чистыя дѣвушки".

Благороднѣйшій, до конца преданный Царской Семьѣ, лейбъ-медикъ докторъ Е. С. Боткинъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ особенную чуткость и нѣжность Великой Княжны Ольги къ людямъ, къ чужому горю: „Я никогда не забуду тонкое, совсѣмъ непоказное, но такое чуткое огношеніе къ моему горю... Я все вспоминаю покойную княжну М. Голицыну, которая была совсѣмъ порабощена чуткимъ сердечнымъ отношеніемъ къ ней Ольги Николаевны, тогда еще совсѣмъ маленькой, когда бѣдная княжна оплакивала потерю своей прелестной внучки... Сейчасъ забѣгала Ольга Николаевна — право, точно Ангелъ, залетомъ... А какъ Ольга Николаевна музыкальна и какіе она успѣхи дѣлаетъ!".

Рабочій А. Якимовъ, бывшій въ охранѣ, сказалъ слѣдователю: „Ольга, Марія и Анастасія важности никакой не имѣли. Замѣтно по нимъ было, что были онѣ простыя и добрыя“.

Обобщая всѣ данныя ему показанія, Н. А. Соколовъ писалъ: „Старшая дочь Ольга Николаевна была дѣвушка 22 лѣтъ. Стройная, худенькая, изящная блондинка, она унаслѣдовала глаза отца. Была вспыльчива, но отходчива; имѣла сердце отца, но не имѣла его выдержанности: ея манеры были „жесткія“. Она была хорошо образована и развита. Въ ней чувствовали „хорошую русскую барышню“, любившую уединеніе, книжку, поэзію, не любившую будничныхъ дѣлъ, непрактичную. Она была надѣлена большими музыкальными способностями и импровизировала на роялѣ. Прямая, искренняя, она была неспособна скрывать своей души и была, видимо, ближе къ отцу, чѣмъ къ матери“.

Не слагается ли для васъ изъ этихъ съ разныхъ уровней и отъ разныхъ душъ данныхъ опѣнокъ прекрасный образъ дѣвушки, о которой нашъ высокаго строя души поэтъ сказалъ:

„Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна,
И скорбь ничья тебя не проходила мимо...
Но если-бъ видѣть ты любящею душою
Могла со стороны хоть разъ свою печаль —
О, какъ самой себя тѣбѣ бы стало жаль,
И какъ бы плакала ты грустно надъ собою!“

И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель ангелъ твой сойдетъ
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ.

И. С. Никитинъ.

VI.

Острыя нравственныя муки и крестный путь начались для Вел. Княжны Ольги со времени отъѣзда Ихъ Величествъ изъ Тобольска.

Когда стало извѣстно, что Августѣйшіе родители должны уѣхать и разрѣшено съ ними ѣхать лишь одной изъ дочерей, Вел. Княжны посовѣтовались между собой и рѣшили, что Ольга Николаевна слаба здоровьемъ и ей лучше остаться въ Тобольскѣ, гдѣ оставался и Наслѣдникъ.

„Я съ содроганіемъ вспоминаю эту ночь, — пишетъ Т. Боткина, — и всѣ за ней послѣдующіе дни, можно себѣ представить, каковы были переживанія и родителей, и дѣтей, никогда почти не разлучавшихся и такъ сильно любившихъ другъ друга. Дѣти оставались въ чужомъ городѣ одни, больные, не зная когда увидятся съ родителями. Къ тому же приближалась Пасха, великій праздникъ, особенно чтимый Ихъ Величествами, который они всегда

привыкли проводить вмѣстѣ, говѣя на страстной недѣлѣ".

12 апрѣля вечеромъ, когда приготовленія къ отъѣзду были закончены, П. Жильяръ видѣлъ Государыню, которая сидѣла на диванѣ, имѣя съ собой рядомъ двухъ дочерей; онѣ такъ много плакали, что ихъ лица опухли.

Около 4-хъ час. утра, когда на разсвѣтѣ блѣднаго весенняго дня сибирскіе кошевы отъѣхали отъ губернаторскаго дома и завернули за уголъ, отрывая отъ оставшихся дорогихъ Государя и Государыню, отца, мать и сестру, увозимыхъ въ неизвѣстность, окруженныхъ солдатами съ винтовками, три фигуры въ сѣрыхъ костюмахъ долго стояли на крыльцѣ и медленно, одна за другой, вошли въ домъ... „Великія Княжны, — какъ писалъ П. Жильяръ, — возвращаются къ себѣ наверхъ и проходятъ, рыдая, мимо дверей своего брата.

22 апрѣля — грустный канунъ Пасхи; всѣ подавлены; отъ уѣхавшихъ нѣтъ вѣстей. Вел. Княжна Ольга пишетъ одно изъ послѣднихъ, дошедшихъ до насъ писемъ, въ которомъ, конечно, прежде всего передаетъ тревоги и вѣсти объ увезенныхъ: „Живутъ въ трехъ комнатахъ, ѣдятъ изъ общаго котла, здоровы. Дорога очень утомила, такъ какъ страшно трясло. Маленькому лучше, но еще лежитъ. Какъ будетъ лучше, поѣдемъ къ нашимъ. Ты, Душка, поймешь, какъ тяжело. Стало свѣтлѣе. Зелени еще никакой. Иртышъ пошелъ на Страстной. Лѣтняя погода. Господь съ тобой, дорогая. Отъ всѣхъ крѣпко цѣлую, ласкаю".

4-го мая караулы при оставшихся были заняты латышами во главѣ съ кочегаромъ Хохряковымъ и жестокимъ жандармскимъ

сыщикомъ Родіоновымъ, который уже на слѣдующій день во время богослуженія поставилъ около престола латыша слѣдить за священникомъ; это такъ всѣхъ ошеломило, что Вел. Княжна Ольга Николаевна, — вспоминаетъ Е. Кобылинскій, — плакала и говорила, что, еслибы она знала, что такъ будетъ, то она не стала бы просить о богослуженіи. Обращеніе съ Великими Княжнами становилось все болѣе и болѣе возмутительнымъ. Родіоновъ не позволилъ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ не только запирать на ночь дверь ихъ спальни, но и затворять ее, чтобы, какъ онъ говорилъ, „я каждую минуту могъ войти и видѣть, что вы дѣлаете". Волковъ что-то сказалъ ему по этому поводу: „дѣвушки, неловко"... Родіоновъ сейчасъ же помчался и въ грубой формѣ повторилъ свой приказъ Ольгѣ Николаевнѣ. Великимъ Княжнамъ нельзя было безъ его разрѣшенія не только выходить гулять, но и спускаться въ нижній этажъ.

Чувства, пережитыя Великой Княжной Ольгой, лучше всего характеризуются двумя извѣстными стихотвореніями-молитвами, переписанными въ Тобольскѣ *):

---

*) Въ домѣ Ипатова впослѣдствіи были найдены книги Великой Княжны Ольги Николаевны, среди нихъ англійская книга „And Mary Sings Magnificat" (на первомъ листѣ — изображеніе креста и написанныя рукою Государыни стихи; на оборотной сторонѣ рукою Государыни написано: В. К. Ольгѣ 1917 г. Мама. Тобольскъ); въ книгѣ вложены нарисованныя и вырѣзанныя изъ бумаги изображенія церкви Спаса Преображенія въ Новгородѣ и, кромѣ того, вложены три листика бумажки; на одномъ изъ нихъ написано стихотвореніе „Разбитая ваза" Сюлли Прюдома, на двухъ другихъ рукою Вел. Княжны написаны печатаемыя здѣсь стихотворенія.

I. МОЛИТВА.

„Пошли намъ, Господи, терпѣнье
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей.
Дай крѣпость намъ, о, Боже правый,
Злодѣйство ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать.
И въ дни мятежнаго волненья,
Когда ограбятъ насъ враги,
Терпѣть позоръ и оскорбленья,
Христосъ Спаситель, помоги!
Владыка міра, Богъ вселенной,
Благослови молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной
Въ невыносимый, страшный часъ.
И у преддверія могилы
Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ
Нечеловѣческія силы —
Молиться кротко за враговъ".

II. ПЕРЕДЪ ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ.

Царица неба и земли,
Скорбящихъ утѣшенье,
Молитвѣ грѣшниковъ внемли:
Въ Тебѣ — надежда и спасенье.
Погрязли мы во зло страстей,
Блуждаемъ въ тьмѣ порока,
Но... наша Родина... О, къ ней
Склони всевидящее Око.
Святая Русь — Твой свѣтлый домъ
Почти что погибаетъ,
Къ Тебѣ, Заступница, зовемъ:
Иной никто у насъ не знаетъ.

О, не оставь своихъ дѣтей,
Скорбящихъ Упованье,
Не отврати Своихъ очей
Отъ нашей скорби и страданья.

---

7 мая покинули Тобольскъ.

По словамъ Т. Боткиной, издѣвательство охраны продолжалось на пароходѣ все прогрессируя. Къ открытымъ дверямъ каютъ Великихъ Княженъ были приставлены часовые, такъ что они даже не могли раздѣться; вся провизія, присланная Ихъ Высочествамъ жителями и монастыремъ, была отобрана.

Въ Тюмени на пристани собралась громадная толпа народа, привѣтствовавшая Царскихъ дѣтей; подъ сильнымъ конвоемъ ихъ провели къ спеціальному поѣзду, который ночью 11 мая прибылъ къ Екатеринбургу. „Утромъ, — вспоминаетъ П. Жильяръ, — около 9 ч. нѣсколько извозчиковъ стали вдоль нашего поѣзда и я увидѣлъ какихъ-то четырехъ человѣкъ, направлявшихся къ вагону дѣтей. Прошло нѣсколько минутъ; матросъ Нагорный пронесъ Наслѣдника; за нимъ шли Великія Княжны, нагруженныя чемоданами и мелкими вещами. Шелъ дождь; ноги, вязли въ грязи. Нѣсколько мгновеній спустя извозчики отъѣхали, увозя дѣтей къ городу. Рядомъ съ Вел. Княжной Ольгой Николаевной сѣлъ Заславскій *).

Пятьдесятъ три дня жизни въ Екатеринбургѣ были для Великой Княжны Ольги, какъ и для всей Царской Семьи, днями физическихъ

*) Голощекинъ, Юровскій и Заславскій проявляли власть надъ царской семьей съ перваго момента прибытія ея въ Екатеринбургъ.

лишеній, невыносимой нравственной пытки, издѣвательства разнузданной охраны, полной оторванности отъ міра, обреченности и вѣчной тревоги. Это уже была не жизнь, несмотря на всю духовную силу сплоченной Царской Семьи.

Размѣщались въ верхнемъ этажѣ дома Ипатова. Вел. Княжны занимали комнату съ однимъ окномъ, выходящимъ на Вознесенскій переулокъ, рядомъ съ комнатой Ихъ Величествъ, дверь изъ которой была снята; первые два-три дня кроватей въ ихъ комнатѣ не было; спали на полу.

О жизни Царственныхъ мучениковъ за это время мы узнаемъ изъ разсказовъ камердинера Государя Т. Чемадурова и рабочихъ, бывшихъ въ охранѣ.

Вставали въ 8—9 ч. утра, собирались въ комнатѣ Государя, пѣли молитвы; Государыня съ дочерьми днемъ вышивала или вязала; гуляли часъ-полтора; часто на эти прогулки Вел. Княжна Ольга Николаевна выносила больного Наслѣдника; никакимъ физическимъ трудомъ заниматься не позволяли. Обѣдъ бывалъ около 3-хъ часовъ дня, пища приносилась изъ совѣтской столовой, а позже разрѣшено было готовить дома; обѣдъ былъ общій съ прислугой; ставилась на столъ миска, ложекъ, вилокъ не хватало; участвовали въ обѣдѣ и красноармейцы, которые входили въ комнаты, занятые Царской Семьей, когда хотѣли.

Великія Княжны иногда пѣли духовныя пѣснопѣнія, „Херувимскую пѣснь“, а какъ-то и грустную свѣтскую, на мотивъ пѣсни „Умеръ бѣдняга въ больницѣ военной“.

А въ это время изъ комендантской комнаты (наискосокъ отъ комнаты Вел. Княженъ)

неслось подъ звуки піанино пьяное пѣніе ухабистыхъ или революціонныхъ пѣсенъ.

Внутри помѣщенія и снаружи стояли часовые. Устраивалась перекличка заключеннымъ.

Когда Княжны шли въ уборную, красноармейцы шли за ними; всюду писались разныя мерзости; залѣзали на заборъ передъ окнами царскихъ комнатъ и „давай разныя нехорошія пѣсни играть“, какъ показалъ одинъ изъ чиновъ охраны; крали мелкія вещи; по вечерамъ Великихъ Княженъ заставляли играть на піанино. Только глубокая вѣра и сильная семья поддерживали мужество заключенныхъ.

Люди охраны грубые, жестокіе, озвѣрѣлые были поражены ихъ кротостью, простотой; ихъ покорила полная достоинства душевная ясность, и они чувствовали превосходство тѣхъ, кто проявилъ такое величіе духа. И первоначальную жестокость смѣняло у многихъ глубокое состраданіе.

„Какъ я ихъ самъ своими глазами поглядѣлъ нѣсколько разъ, — показалъ А. Якимовъ, — я сталъ душою къ нимъ относиться совсѣмъ по-другому: мнѣ стало ихъ жалко; жалко мнѣ стало ихъ, какъ людей“.

Священникъ Сторожевъ, служившій 20 мая въ домѣ Ипатова обѣдницу, такъ передалъ свое впечатлѣніе о Вел. Княжнахъ: „Всѣ четыре дочери были, помнится, въ темныхъ юбкахъ и простенькихъ бѣленькихъ кофточкахъ. Волосы у всѣхъ у нихъ были острижены сзади довольно коротко; видъ онѣ имѣли бодрый“. Онъ же видѣлъ ихъ во время службы 1-го іюля, за три дня до кончины; — „Онѣ были одѣты въ черныя юбки и бѣлыя кофточки; волосы у нихъ на головѣ подросли и

теперь доходили сзади до уровня плечъ; всѣ дочери Государя, — добавляетъ батюшка, — на этотъ разъ были, я не скажу въ угнетеніи духа, но все же производили впечатлѣніе какъ бы утомленныхъ". — „Они всѣ точно какіе-то другіе, — замѣтилъ діаконъ, — даже и не поетъ никто".

Въ понедѣльникъ, 2-го іюля, двѣ женщины мыли полы въ домѣ Ипатова; Великія Княжны помогали убирать, передвигали въ спальнѣ постели и весело между собой разговаривали.

Одинъ изъ чиновъ охраны видѣлъ Вел. Княжну Ольгу въ послѣдній разъ въ саду при домѣ Ипатова 3 іюля, около 4 час. дня на прогулкѣ съ Государемъ.

А черезъ нѣсколько часовъ, въ ночь на 4 іюля Великая Княжна Ольга, чистая русская дѣвушка, была убита въ одной изъ комнатъ нижняго этажа дома, расположенной какъ разъ подъ комнатой Великихъ Княженъ.

Ихъ разбудилъ среди ночи и провелъ туда Юровскій, который затѣмъ на ихъ глазахъ убилъ Государя.

„Великія Княжны прислонились къ стѣнкѣ въ глубинѣ комнаты. За первыми же выстрѣлами раздался женскій визгъ и крикъ нѣсколькихъ женскихъ голосовъ". Онѣ, видимо, пережили послѣдній ужасъ разстрѣла самыхъ дорогихъ на свѣтѣ — отца и брата.

Позднѣе слѣдствіе обнаружило при раскопкахъ въ лѣсу у с. Коптяки мелкія вещи, принадлежавшія Великой Княжнѣ *)

---

*) Изъ вещей Вел. Княжны, обнаруженныхъ въ домѣ Ипатова и на рудникѣ, отмѣтимъ:

Образъ Богородицы съ надписью на немъ: „Дорогой нашей Ольгѣ благословеніе отъ Папа и Мама. Спала 3 ноября 1912 года".

Такъ эта славная русская дѣвушка и подлинно-русская Великая Княжна — одна изъ первыхъ трагически увѣнчала невинное мученичество русскихъ людей въ наши страшные годы.

Любимая дочь Императора Николая II, она наслѣдовала отъ него всѣ лучшія стороны его души: простоту, доброту, скромность, непоколебимую рыцарскую честность и всеобъемлющую любовь къ Родинѣ.

Долголѣтняя воспитанница и старшая дочь Императрицы Александры Федоровны, она восприняла отъ нея искреннюю и глубокую евангельскую вѣру, прямоту, умѣнье владѣть собой крѣпость духа. Завѣты Государыни, которая говорила о себѣ: „всегда вѣрная и любящая, преданная, чистая и сильная, какъ смерть“, были ясны и трудны.

„Сперва — твой долгъ, потомъ — покой и отдыхъ.
Твой долгъ исполняй, вотъ что лучше всего.
Господу предоставь остальное!“

Такъ написала она въ дневникѣ Государя; это же внушала она и своимъ дочерямъ.

Образъ Николая Чудотворца. Обычно этотъ образъ висѣлъ у ея кровати; въ дорогу она надѣвала его на себя.

Французская книга „Францiя во всѣ вѣка“; надпись рукою Государя: „Елка 1911 — 4-го декабря. Царское Село. Отъ Мама и Папа“ и сбоку: „Ольга Н.“.

Англiйская книга „The princess and the göblin“.

„Орленокъ“ Ростана; надпись по-французски: В. К. О. Н. отъ П. Ж. Спала. 3-XI-1912“.

А въ заточеніи она говорила „Только бы устоять, только бы не дрогнуть духомъ, только бы сохранить сердце чистое и крѣпкое“.

Эти два сильныхъ вліянія — отца и матери — сливались крѣпкимъ ладомъ рѣдкой по сплоченности Царской Семьи. Если все это сочетать съ природными дарованіями Великой Княжны Ольги и съ тѣмъ, какъ она сумѣла пройти открыто передъ всѣми хотя и недолгій, но очень сложный по переживаніямъ жизненный путь, то передъ нами предстанетъ ея свѣтлый, прекрасный образъ *русской дѣвушки съ большой и ясной душой.*

Она сумѣла жить во имя того, во что она вѣрила, что любила, и шла она своей прямой дорогой.

Она не уходила отъ жизни, но она и не выходила въ жизнь на борьбу; она кротко, но съ ясной прямотой защищала свой жизненный путь, на которомъ ярко горѣли ея свѣтлые маяки, какъ „нѣчто твердое и незыблемое, на что опиралась ея душа“: ея глубокая вѣра, безграничная любовь къ Россіи, къ Своей Семьѣ (а въ ней — къ Государю, къ Наслѣднику), ея чистый путь дѣвушки.

Натура цѣльная, глубокая, она жила и ушла изъ жизни неузнанная, неоцѣненная; рѣдко кому открывала она свой душевный міръ (думаемъ одному Государю, отчасти Вел. Княжнѣ Татьянѣ); съ задушевностью простого искренняго чувства она шла къ людямъ, особенно участливо и любовно къ простымъ людямъ и съ дѣятельной любовью — къ страдавшимъ. Ея скромная жизнь должна будить живое сочувствіе и глубокій интересъ къ себѣ уже по тому немногому, что она проявила въ жизни, что пріоткрылось изъ ея сложнаго

и много обѣщавшаго душевнаго міра, по той роли, къ которой она, быть можетъ, была величаво призвана.

Все смели налетѣвшія бури. Жертвы трагедіи Россіи — ей подъ стать.

Недавно И. С. Шмелевъ, обращаясь къ группѣ русскихъ дѣвушекъ въ эмиграціи, сказалъ: „Славныя русскія дѣвушки! Вы русскія бездорожницы, вы вышли искать Россію, потонувшій Градъ-Китежъ! Идите смѣло — и найдете... Вамъ предстоитъ великое: создать новую, чистую русскую семью, обновлять, очищать отъ скверны родной народъ. Вы понесете народу Бога, понесете въ жизнь правду, все то, цѣннѣйшее, чѣмъ возвеличена русская женщина: выполненіе долга, самоотверженность, милосердіе, чистоту, духовность, кротость, готовность къ подвигу, вѣрность и глубину любви... Съ Богомъ въ душѣ, съ вѣрой, съ памятью о загубленномъ, чудесномъ, чистомъ, вы будете стойки, вы будете свято горды: вамъ, зарубежныя русскія дѣвушки, а съ вами вмѣстѣ и тѣмъ, кто сохранилъ себя тамъ, — великое вамъ назначено... Мужчинѣ — строить, вамъ — освящать“...

Въ этомъ предстоящемъ великомъ подвигѣ пусть явится свѣтлымъ и яркимъ воспоминаніемъ „о загубленномъ, чудесномъ, чистомъ“, образъ прекрасной и подлинной русской дѣвушки — Великой Княжны Ольги.

Пусть ея свѣтлый обликъ, ея жизнь будутъ живымъ примѣромъ, зовущимъ маякомъ.
